

Камышанченко Е. А.

"ВИНИ-ПУХ" - СКАЗКА ИЛИ НАУЧНЫЙ ТРАКТАТ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/8-1/30.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 8 (15): в 2-х ч. Ч. I. С. 79-82. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Отглагольные существительные являются сложными образованиями по своей семантической структуре. Эти производные одновременно отражают семантические признаки исходного и результативного классов слов.

В обоих языках самыми продуктивными являются глаголы действия, движения, коммуникации и состояния.

Главными характеристиками словообразовательного типа в конверсионном словообразовании являются словообразовательное значение производных слов и лексическое значение производящих.

Преобладающим типом словообразовательных значений отглагольных существительных, образованных способом конверсии в исследуемых языках является «название действия». Словообразовательные значения «лицо по действию», «объект и место действия» представлены в равной степени, а значения «образа действия» и «инструмент действия» малочисленны.

Сходство рассматриваемых сложно-конверсионных отглагольных существительных французского и татарского языков проявляется в структурном соответствии компонентов (V+V; V+Part.pr.; V+N; V+A; V+D; Part.p.+Part.p.)

Во французском языке наиболее продуктивна модель V+N, в татарском языке - модель N+V.

Сложные слова с глагольным элементом во французском языке делятся на две группы: 1) сложные отглагольные существительные, образованные по модели «существительное + глагол»; 2) субстантивированные глагольные словосочетания и целые предложения. Обе группы сложных слов употребляются в предложении во всех функциях, свойственных имени существительному.

В татарском языке такие образования отсутствуют.

Преимущественное значение, выражаемое рассматриваемыми сложно-конверсионными отглагольными существительными во французском языке, - предметное, в татарском языке - процессуальное.

Отглагольные существительные в результате метонимического переноса приобретают значение 'исполнителя', 'орудия действия' и др. Метонимия понимается как использование слова по отношению к новому объекту, смежному со старым денотатом во времени и пространстве или вовлеченному с ним в одну ситуацию. Отражая постоянное взаимодействие объектов и понятий, метонимия является регулярной, создавая семантические модели многозначных слов и словообразовательных типов. В сфере отглагольных существительных продуктивны следующие модели метонимического переноса: Модели "название действия → результат действия", "название действия → орудие действия", "название действия → место действия" присутствуют во французском и в татарском языках. Модели "название действия → лицо по действию" и "название действия → время" представлены только во французском языке. Модель "название действия → состояние" - только в татарском. Метонимическая модель "орудие действия → лицо" отмечена в татарском языке в единичном случае.

Список использованной литературы

1. Балли Ш. Язык и жизнь / Ш. Балли. - М.: Едиториал УРСС, 2003. - 232 с.
2. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. - М.: Добросвет, 2000. - 832 с.
3. Ганиев Ф. А. Конверсия в татарском языке / Ф. А. Ганиев. - Казань: Татарское книжное изд-во, 2004. - 111 с.
4. Biese Y. M. Origin and Development of Conversions in English / Y. M. Biese. - Helsinki, 1941. - 452 p.
5. Brunot F. La pensée et la langue / F. Brunot. - Paris, 1965.
6. Corbin Danielle Morphologie dérivationnelle et structuration du lexique / D. Corbin. - Tübingen: Niemeyer, 1987.
7. Pennanen E. Conversion and Zero-Derivation in English / E. Pennanen // Acta Universitatis. Ser. A. Tampere. - 1971. - Vol. 40. - 76 p.

«ВИНИ-ПУХ» - СКАЗКА ИЛИ НАУЧНЫЙ ТРАКТАТ

*Камышанченко Е. А.
БелГУ*

Перевод художественного текста ставит перед переводчиком особые задачи и вызывает определенные трудности. Одной из основных задач является передача концепции автора средствами языка, на который переводится оригинал. Основная задача становится и основной проблемой. Как отмечает Фесенко Т. А. «переводчик всегда стоит перед проблемой восприятия и переработки «ментального содержания», поскольку в своем переводном тексте он не излагает собственные идеи, но лишь вербализует идеи, сформулированные автором оригинала...» [Фесенко 2004: 114]. Но проблема заключается в том, что переводчик - человек, концептуализирующий мир в процессе мышления, со своим складом мышления и способом представления мира. Таким образом перевод во многом зависит не только от профессионализма переводчика (уровнем владения иностранным языком), но и от когнитивной сферы переводчика. Именно когнитивная сфера переводчика может явиться причиной творческого конфликта между автором и переводчиком и послужить причиной различий в переводах одного произведения. В данной статье мы рассмотрим эту проблему на примере переводов сказки А. Милна «Вини-Пух».

Здесь считаем необходимым сказать, что автор данной статьи не является литературным критиком и поэтому не имеет никакого морального и профессионального права давать оценку работе известных людей.

Поэтому отметим, что все критические замечания основываются только на эмоциональном и эстетическом восприятии автора.

Долгое время существовал только один перевод «Винни-Пуха», выполненный Борисом Заходером. Впервые на русском языке «Винни-Пух» появился в 1960 году с милыми, наивными рисунками прекрасной художницы Алисы Порет. К работе Заходера издательство отнеслось как к авторской. Его фамилия была указана на обложке книги. Уже в последующих издательствах имя Заходера упоминалось как имя переводчика, а в некоторых издатели сочли правильным вообще не упоминать об участии Б. Заходера в создании этой книги.

1990-е годы стали временем создания новых русских переводов «Винни-Пуха». Версия Б. Заходера перестала быть единственной.

Перевод Виктора Вебера стал наиболее известным из альтернативных заходеровскому. В версии В. Вебера сохранено посвящение и разделение на две части, полностью переведены все 20 глав.

Перевод Вадима Руднева и Татьяны Михайловой («Winnie Пух. Дом в Медвежьем Углу») издавался сначала в составе работы Руднева «Винни Пух и философия обыденного языка», а затем выдержал несколько отдельных изданий.

Приступая к работе над текстом оригинала, переводчик ставит перед собой свою определенную цель, которая во многом определяет дальнейшую работу и конечный результат. Но прежде чем мы остановимся на целях, которые ставили перед собой названные выше переводчики, приведем их высказывания относительно А. Милна. Заходер Б. называет его «великим писателем», Вебер В. «самым любимым», Руднев В. «достаточно типичным английским писателем средней руки». Как мы видим, восприятие самого автора переводчиками и их отношение к нему разное.

Теперь обратимся к вопросу о целях перевода.

Борис Заходер во главу угла ставил создание волшебной, доброй сказки для детей. Как отмечает сам автор, он прежде всего «стремился воплотить очарование этой книги, ее атмосферу. Мне казалось - кажется и поныне, - что именно этой атмосферы мучительно не хватало (да и сейчас не хватает) детям нашей страны: атмосферы нормальной детской» [Заходер 2002]. На наш взгляд, эти слова раскрывают секрет такой долгой популярности перевода, или точнее сказать, пересказа именно Заходера Б.

Переводчики Руднев В. и Михайловой Т. ставили целью создать «взрослого», интеллектуального Пуха, ассоциирующегося прежде всего с литературой и философией 1920-х годов. По словам Руднева В. «задача ... состоит в том, чтобы на основе новой переводческой концепции текста *ВП*, философских комментариев и семиотической интерпретации отнюдь не заставлять читателя находить в *ВП* то, чего там нет, но попытаться обратить его внимание на то, что в нем, на наш взгляд, может быть.» [Руднев 1996: 12] Надо отметить, что авторы достигли поставленной перед ними цели. Они действительно провоцируют читателя увидеть в «Винни-Пухе» не то, что там есть, а то, что, особо подчеркнем, *на их взгляд* может быть.

Вебер В. ставил своей целью познакомить читателя с настоящим «Винни-Пухом» в противовес «пионерскому» пересказу Заходера. В результате читатель получил сказку в качественном переводе. Тем не менее, по мнению ряда критиков (А. Борисенко, Л. Бруни), этот перевод не столь ценен с художественной точки зрения, как заходеровский, а также в ряде мест неточно передает оригинал; критиковались также переводы стихов (выполненные не Вебером, а Натальей Рейн).

Как мы видим, цели ставились разные, разными получились и переводы. Однако проанализировав имеющийся фактический материал, различные источники, критические замечания Руднева В. и Вебера В., у автора данной статьи сложилось впечатление, что их переводы создавались не для читателя, а вопреки переводу Б. Заходера.

Остановимся на некоторых лингвистических и литературных особенностях названных переводов и коснемся, прежде всего, имен персонажей. Имена, созданные Заходером, известны всем. Интересно, что в других переводах на русский язык нет ни Пятачка, ни Тигры, ни Иа-Иа, ни Слонопотамов - на эти имена авторские права имеет Борис Заходер. В варианте В. Вебера Пятачок стал Хрюкой, а Слонопотам - Хоботуном.

В переводе Вадима Руднева и Татьяны Михайловой ряд имён, например, Winnie, Heffalump, Woozle оставлен без перевода. Появляются Поросенок, Сыч, Осел, Тиггер.

Интересным представляется и репрезентация персонажей сказки, а именно Винни-Пуха. Приведем примеры:

Милн: *bear of a little brain; he hasn't any brain; pulp in his head.*

Заходер: *глупенький мишка; глупый бедный медвежонок; опилки в голове.*

Вебер: *мишка со слабеньким умишком; глупый медвежонок; совсем глупенький.*

Руднев: *глупый старый медведь; медведь без мозгов; медведь весьма умеренных умственных способностей; медведь с низким интеллектуальным коэффициентом.*

Как мы видим, Заходер Б. и Вебер В. используют уменьшительно-ласкательные суффиксы и тем самым создают доброго медвежонка и теплую атмосферу сказки. У Руднева наблюдается совершенно противоположная картина, а «глупый старый медведь без мозгов» не вызывает никакой симпатии.

Чтобы перевод затронул читателя и в тоже время остался авторским произведением, переводчик должен понять концепцию автора. На наш взгляд, Вебер В. и Руднев В. решили эту проблему, следуя принципу переводить методом дословного перевода в некоторых случаях или просто опускать некоторые моменты.

В переводе Руднева есть еще одна характерная черта. Многое он оставляет без перевода. Мы уже упоминали об именах собственных. Кроме этого, в его тексте остаются без перевода звукоподражательные слова bump-bump, crack; надписи и записки *plez snoke if an rings is not requid*, и некоторые строки песенок *tiddle-iddle, gum-tum-tum-tiddle-um*. Как говорит сам Руднев, делает он это для соответствующего восприятия, «старался все время напоминать читателю, что это иноязычная среда, другой язык. Все это я делал намеренно, естественно, ориентируясь на взрослого читателя» [Руднев 1996: 54]. Тут возникает вопрос. На чье восприятие это рассчитано? На восприятие читателя, который знает английский язык и может прочесть оригинал? Тогда зачем ему перевод? Или на восприятие читателя, не владеющего английским? Но сможет ли он в этом случае не то, чтобы воспринять, а хотя бы правильно прочитать?

На наш взгляд, лучше всего концепцию автора понял Заходер, несмотря на то, что его вариант является пересказом. Сам автор пишет: «... прежде всего, нужно было понять героев сказки. Кто такие эти игрушки и зверушки, где коренится их сказочное обаяние, почему они вызывают у людей - в частности, у меня - любовь с первого взгляда» [Заходер 2002]. С такой же любовью и вниманием отнесся Б. Заходер и к созданию книги.

Как мы уже говорили, автор стремился создать теплую атмосферу детской комнаты, где совсем немного игрушек и нет никаких предметов роскоши, но много солнца, покоя, любви - и огромный простор для детской фантазии.

Перевод В. Вебера получился нейтральным. Он как бы «самоустранился» и попытался передать голый текст, написанный Милном. Тем не менее, В. Вебер использует средства русского языка для лучшего восприятия текста. Он употребляет уменьшительно-ласкательные суффиксы: *глупый мишка/медвежонок, поросяенок, слабенький умишко, песенки* и т.д., подбирает неформальную лексику: *бубнить, заорать, на том и порешили*. Кроме того, он сохраняет легкость, радость и волшебство леса: *Столетний лес, заветная ямка, сладко и приятно* и т.д.

Совсем другое представляет собой атмосфера, переданная Рудневым. Здесь переводчик принял самое активное и творческое участие в переводе. Его взгляд на главных персонажей изложен в его работе «Вини-Пух и философия обыденного языка». Приведем здесь лишь несколько примеров его перевода, которые, на наш взгляд, помогут правильно воспринять концепцию Руднева:

- глупый старый медведь;
- медведь, вообще не имеющий мозгов;
- старый серый осел И-Ё стоял в заросшем чертополохом закоулке;
- черт возьми;
- затылочной частью своей головы;
- хладнокровно облизал нос;
- говорит замогильным голосом;
- сказал страшным шепотом.

Попробуем объединить несколько из этих выражения в одно предложение: «Глупый старый медведь, не имеющий мозгов, почесал затылочную часть своей головы, хладнокровно облизал нос и сказал замогильным голосом старому ослу, стоявшему в заросшем чертополохом закоулке: «Черт возьми!». Кровь стынет в жилах. Конечно же, это отдельные фразы, но ими пронизан весь текст. Создается атмосфера не волшебного леса и детской светлой комнаты, а мрачного Лондона, времен Джека Потрошителя или Росси начала 90-х. Оговоримся еще раз, что это лишь эмоциональное и эстетическое восприятие автора данной статьи.

Перевод также во многом зависит от того, кем является переводчик. Это также во многом и объясняет многоплановость переводов «Вини-Пуха».

Борис Заходер был в первую очередь детским писателем, создавшим множество детских стихов, сказок и рассказов. Поэтому его Вини-Пух - детская сказка.

Виктор Вебер - профессиональный переводчик, причем переводчик произведений таких авторов как Дин Кунц, Стивен Кинг, Ирвин Шоу, Брэм Стокер, Сидни Шелдон. Как мы видим, Вебер переводит в основном беллетристику, причем в жанре триллера и фантастики. Вини-Пух Вебера - классический, профессионально выполненный перевод.

Владимир Руднев - филолог, психолог, ученый-исследователь. В результате его Вини-Пух - научный трактат, психологический триллер, или, как определяет свою работу сам переводчик, философия для взрослых. Но взрослые бывают разные, те, кто верит, что детство - это самая счастливая пора жизни, и те, кто считает детство, мягко говоря, не самым лучшим периодом в своей жизни. Если рассматривать этот вопрос с точки зрения психологии, как делает Руднев В. с Вини-Пухом, встает вопрос, кто из взрослых имеет проблемы с психикой. Те, для кого «Вини-Пух» - детская сказка, или те, для кого «Вини-Пух» - психологический триллер с элементами сексуальных извращений. Конечно же, вопрос риторический. Любое мнение имеет право быть. Но все же.

Но так ли важно для ребенка, какой это Вини-Пух по определению ученых взрослых. Главное, что бы с ним было весело, легко, удобно, таинственно, загадочно. Именно такие чувства испытываешь, читая перевод Б.Заходера.

В чем же заключается конфликт между автором текста и переводчиком? Прежде всего, остановимся на Б. Заходере, поскольку Вебер В. и Руднев В. критиковали его именно за вольность пересказа. Литературоведы и переводчики называют перевод Заходера по-разному: «авторизированный и вольный», «пионерский»,

«инфантильный». Но все сходятся в одном: Заходеровский Винни-Пух - это вольный пересказ оригинала. Собственно говоря, Заходер сам всегда подчёркивал, что его книга - не перевод, а пересказ, плод сотворчества и «пересоздания» Милна по-русски. Сам Б. Заходер пишет: «Я не чувствовал и не чувствую себя вправе "забыть" о Милне. Как бы велик или мал ни был мой вклад в создание его русской книги. Да, без всяких сомнений, это его русская книга. И вместе с тем - столь же несомненно - это книга моя. Я считаю себя в данном случае равноправным соавтором» [Заходер 2002].

На чем же основаны права Б. Заходера на соавторство с А. Милном?

Приведем еще одну небольшую цитату: "Да, существует только один способ перевода, позволяющий переводить неперебиваемое, - это писать заново. Писать так, как написал бы сам автор, если бы он писал на языке перевода, в данном случае - по-русски. Таким образом, переводчик становится фактически соавтором. Это ничуть не умаляет ни прав, ни славы автора» [Заходер 2002].

В чем заключается вольное вмешательство Заходера? Работая над книгой о Пухе, он не придумывал новых походов - наоборот, в первых изданиях даже уменьшил число тех, которые в книжке были (впоследствии Заходер вернул все на место).

Вот два простых примера "вмешательства" Заходера. У Милна Пуховы песенки называются "Шум". Но можно ли сейчас представить себе книгу о Пухе без Заходеровских Шумелок, Кричалок, Вопилок, Сопелок и даже Пыхтелок? У Милновского Винни-Пуха вместо мозгов мякина, но может ли медвежонок сейчас быть без опилок?

Полагаем, что подобное вмешательство во всех случаях было вызвано стремлением максимально выявить авторский замысел, максимально используя возможности, которые предоставляет писателю русский язык.

И если перевод В. Вебера максимально приближен к оригиналу, то можно ли сказать подобное о переводе В. Руднева, который критиковал вольности Б. Заходера. У кого из переводчиков «конфликт» с автором. У Б. Заходера, который честно называет свою работу пересказом, но благодаря которому русский читатель знаком с таким автором как Милн, и которого уже 50 лет с удовольствием читают все родители своим детям? У Вебера, чей максимально точный перевод знаком по большей мере только исследователям-филологам? Или же у Руднева, который не совсем уважительно относится к самому автору и представляет нашему вниманию отнюдь не детскую сказку.

Как нам кажется, вывод напрашивается сам собой. На наш взгляд, любой автор хочет, чтобы его произведение читали на всех языках, знали, любили, помнили. Именно Б. Заходер сделал это для А. Милна в России.

Список использованной литературы

1. **Вебер В., Рейн Н.** Винни-Пух [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.machaon.ru/pooh/>.
2. **Заходер Б.** Винни-Пух и все-все-все [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.machaon.ru/pooh/>.
3. **Заходер Б.** Приключения Винни Пуха (из истории моих публикаций) // Вопросы литературы. - 2002. - № 5.
4. **Интервью с В. А. Вебером** [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.ozona.ru>.
5. **Руднев В.** Винни-Пух и философия обыденного языка // Милн А. А. Винни-Пух. - М., 1996.
6. **Фесенко Т. А.** Концептуальный перевод в структуре взаимоотношения «действительность-мышление-сознание-язык» // Вопросы когнитивной лингвистики. - Тамбов. - 2004. - № 1.
7. **Miln A. A.** Winnie-The-Pooh and All, All, All. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.machaon.ru/pooh/>.

НОМИНАЦИЯ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Катермина В. В.

Кубанский государственный университет

Сущность номинации заключается в том, что языковой знак репрезентирует некоторую абстракцию как результат познавательной деятельности человека, абстракцию, отображающую диалектическое противоречие единичного и общего в реальных предметах и явлениях.

Как утверждает современная лингвистика, номинация есть не что иное, как языковое закрепление понятийных признаков, отображающих свойства предметов [Колшанский 1976: 19]. В акте номинации получают название лишь те реальные или фиктивные объекты, на которые направлена деятельность человека. Сами объекты могут принадлежать миру внешнему и миру внутреннему, они могут составлять равно принадлежность мира действительного и мира вымышленного, но название дается «остановленной» мысли об объекте. Следует подчеркнуть, что в любом случае акт номинации представляет собой речемыслительный акт, из протекания которого не может быть выключено промежуточное звено: когнитивное, отражающее, концептуально-логическое или образное, но деятельностное, то есть свидетельствующее о включенности подлежащего наречению объекта (или совокупности объектов) в деятельность и жизнь человека.

Термин «номинация», как и многие другие лингвистические термины, принадлежит к числу многозначных. Среди его различных употреблений отметим следующие наиболее частые оппозиции.

Как показывают современные научные исследования, в динамическом аспекте номинация обозначает процесс наименования, а в статическом - результат, само наименование. Такое «смещение» относится к од-